

Шухободский Александр Борисович

НЕОБХОДИМОСТЬ МУЗЕЕФИКАЦИИ ДВИЖИМЫХ ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА, СВЯЗАННЫХ С ПАМЯТНИКАМИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

В статье приводится анализ современного понимания и учета движимых предметов искусства, неразрывно связанных с памятниками истории и культуры. Обосновывается необходимость и значимость музеефикации этих предметов в условиях существования различных форм собственности на объекты культурного наследия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 218-221. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2(470)

В статье приводится анализ современного понимания и учета движимых предметов искусства, неразрывно связанных с памятниками истории и культуры. Обосновывается необходимость и значимость музеефикации этих предметов в условиях существования различных форм собственности на объекты культурного наследия.

Ключевые слова и фразы: памятник истории и культуры; объект культурного наследия; культурная ценность; музеефикация; культура; культурология.

Александр Борисович Шухободский

Кафедра культурологии

Санкт-Петербургский государственный университет

iso.museum.met@gmail.com

НЕОБХОДИМОСТЬ МУЗЕЕФИКАЦИИ ДВИЖИМЫХ ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА, СВЯЗАННЫХ С ПАМЯТНИКАМИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ©

В связи с тем, что согласно Закону РФ от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 14.07.2008 № 118-ФЗ) (далее – Закон об ОКН) «право пользования объектом культурного наследия, включенным в реестр, и право пользования выявленным объектом культурного наследия у физических и юридических лиц возникают: в результате приобретения права собственности на объект культурного наследия; из актов государственных органов; из договоров; из судебного решения; по иным основаниям, допускаемым Гражданским кодексом Российской Федерации» [11, ст. 51], а также принимая во внимание то, что «физические и юридические лица осуществляют право пользования объектом культурного наследия, включенным в реестр, право пользования земельным участком или водным объектом, в пределах которых располагается объект археологического наследия, и право пользования выявленным объектом культурного наследия по своему усмотрению... если это не ухудшает состояние указанных объектов, не наносит вред окружающей историко-культурной и природной среде, а также не нарушает права и законные интересы других лиц» [Там же, ст. 52, п. 1], весьма существенным становится вопрос о статусе и охране движимых культурных ценностей, неразрывно связанных с памятниками истории и культуры.

Рассматриваемую проблему следует разделить на два отдельных вопроса. Первое – это памятники археологии. Исследование автором существующей нормативной базы позволило выделить объекты археологического наследия в отдельный феномен из-за множества существенных отличий памятника археологии от других видов памятников истории и культуры, и, в частности, в результате того, что он обладает двойственным характером движимости и недвижимости. Согласно *закону об ОКН* в отличие от декоративно-прикладных предметов, живописи и скульптуры, неразрывно связанных с памятником истории и культуры и остающихся в нём (далее – предметы ДПИ), движимые объекты археологического наследия изымаются из раскопа и в течение трех лет со дня выполнения археологических работ все обнаруженные культурные ценности (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) должны быть переданы на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации [Там же, ст. 45, п. 9]. Таким образом, относительно объектов археологического наследия, в отличие от других объектов культурного наследия, вопрос музеефикации движимых культурных ценностей оказывается уже законодательно закрепленным.

Существенное отличие феномена «объект археологического наследия» от других видов феномена «объект культурного наследия» позволяет утверждать, что его правовой статус должен быть определен специальным отдельным законодательством. Причем, недвижимые памятники археологии должны иметь статус памятников истории и культуры (объектов культурного наследия), а движимые – должны быть музеефицированы как движимые культурные ценности, изъятые из раскопов, и иметь статус музейных предметов.

Второе – это объекты культурного наследия (памятники истории и культуры). Проведенные ранее исследования позволили автору сделать вывод, что «памятники истории и культуры – это созданные человеком или подвергнутые его целенаправленному воздействию уникальные неодушевленные *недвижимые* материальные культурные ценности, способные удовлетворять духовные потребности людей» [15, с. 364]. В то же время вопрос о движимых предметах, неотъемлемых или связанных с объектами культурного наследия, не был исследован и требует особого рассмотрения.

Длительная дискуссия на различных уровнях привела к тому, что к феноменам «памятник истории и культуры» и «объект культурного наследия» относятся только недвижимые объекты. Окончательно в международной практике это положение было закреплено Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (1972) [5, с. 2]. В Российском законодательстве *законом об ОКН* к объектам культурного наследия «относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными

источниками информации о зарождении и развитии культуры» [11, ст. 3]. Однако в научных кругах по-прежнему высказываются различные мнения о том, должны ли движимые культурные ценности относиться к памятникам истории и культуры или нет [2; 6; 8]. Мы считаем, что признак недвижимости является одним из основных признаков, отличающих феномен «памятник истории и культуры» от других культурных ценностей. Движимая составляющая памятника отражает лишь «сложную» сущность данного феномена.

В рамках современной науки (Н. Н. Аверченко, Н. Д. Егоров, Д. В. Мазеин, А. П. Сергеев) [1; 4; 7; 12] все памятники истории и культуры, как и любые материальные объекты, подразделяются на две группы: «простые» (в данном случае вещи, отличающиеся присущими лишь им свойствами и характеристиками, которые позволяют выделить их из общей массы вещей) и «сложные» вещи. Данный вопрос представляет интерес с точки зрения свойства неделимости объекта культурного наследия, так как именно его первозданность придает духовность материальному объекту. Несмотря на то, что большая часть объектов культурного наследия является «простыми» вещами, в последнее время наблюдается тенденция рассмотрения их в виде «сложных» вещей. Сложные вещи могут состоять из разнообразных недвижимых культурных ценностей или же из совокупности движимых и недвижимых культурных ценностей, которые, в свою очередь, могут быть музеефицированными или не музеефицированными. Сложная вещь, не включающая в свой состав недвижимый объект культурного наследия, не имеет отношения к рассматриваемому феномену «памятник истории и культуры». Как правило, если памятник является сложной вещью, то все предметы, входящие в него, являются неотделимыми или, согласно закону об ОКН, связанными с ним. Неотделимость не означает физической невозможности разделения объекта на составные части. В данном случае неотделимость означает запрет на выделение частей из состава памятника, в том числе и тех, которые являются движимыми.

Во многих случаях «сложный» памятник истории и культуры представляет собой не застывший слепок истории, отнесенный к какому-то конкретному моменту времени, а функционирование объекта культурного наследия во временном континууме, сформированного как новое образование разновременными недвижимыми и неотъемлемыми с ним движимыми культурными ценностями.

Для определения статуса движимых культурных ценностей, связанных с памятниками истории и культуры, необходимо рассмотреть, каким образом они определяются в современной практике. Согласно *закону об ОКН* связанные с памятниками истории и культуры *предметы ДПИ* должны включаться в «описание особенностей объекта, послуживших основаниями для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению (далее – предмет охраны)» [11, ст. 17, п. 8]. Используемый термин «связанность» не имеет строгой определенности и, очевидно, что все связанные с памятником *предметы ДПИ* должны являться музейными предметами, включенными в состав Государственного музейного фонда РФ, за исключением физически неотделимых элементов и предметов декора (здесь имеются в виду те предметы декора, которые при отделении от объекта культурного наследия теряют свою культурную ценность и не могут рассматриваться как отдельные музейные предметы), тем не менее, они должны быть учтены с точной их идентификацией, так же как и музейные предметы.

Практика же показывает другое. В настоящее время *предмет охраны* объекта культурного наследия наряду с другими реестровыми данными включается в «паспорт объекта культурного наследия», который является основным документом, фиксирующим состояние объекта на момент его включения в реестр [Там же, ст. 21]. Но в паспорт объекта культурного наследия до последних лет включалась опись или перечень *предметов ДПИ*, которые были словесно описаны, но, в отличие от музейных предметов, не имели четкого учета и строгой идентификации, и даже во многих случаях в описи отсутствовали их фотографические изображения.

Кроме паспорта объекта культурного наследия эти описи или перечни *предметов ДПИ* вносились и в Охранные обязательства. Таким образом, считалось возможным обеспечение сохранности и охраны *предметов ДПИ*. На самом же деле степени ответственности при нанесении ущерба музейным предметам и *предметам ДПИ* несравнимы с точки зрения существующих норм права, что и привело к исчезновению огромного количества *предметов ДПИ* из различных памятников истории и культуры в последние двадцать лет.

Для более глубокого понимания проблемы необходимо привести ряд наглядных и простых примеров. В Ленинградской области в Старой Ладогe на территории Староладожского Свято-Успенского девичьего монастыря находится Успенский собор XII века. Всемирную ценность имеют кроме самого памятника истории и культуры связанные с ним предметы ДПИ, которые в данном случае представляют собой остатки византийских фресок XII в. В соответствии с законом об ОКН эти фрески упоминаются в описи предметов охраны, но действительно каталогизированы они вовсе не в официальных документах, а в авторском каталоге Б. Г. Васильева [3], который никак не может являться государственным учетным документом, несмотря на всю фундаментальность этой работы. Соответственно ответственность в случае уничтожения фресок в результате любых действий будет рассматриваться в рамках *закона об ОКН*, которая значительно меньше, чем в случае нарушения закона «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [9, ст. 259]. В обоих случаях действуют статьи Уголовного кодекса РФ [14]. В первом случае действует статья 243 УК «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры», которая гласит: «1. Уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность, наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо лишением свободы на срок до двух лет. 2. Те же деяния, совершенные в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения, наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо лишением свободы на срок до пяти лет» [Там же, ст. 243]. Во втором случае применяется статья 164 УК РФ

«Хищение предметов, имеющих особую ценность», которая устанавливает: «1. Хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, независимо от способа хищения наказывается лишением свободы на срок от шести до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового. 2. То же деяние: а) совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) повлекшее уничтожение, порчу или разрушение предметов или документов, указанных в части первой настоящей статьи, наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового» [Там же, ст. 164].

Столь слабая законодательная база относительно движимых культурных ценностей, не отнесенных к музейному фонду, вызывает в обществе беспокойство. Возникает большое сомнение по поводу гарантий реализации «конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры» [11].

Ещё более яркий пример несоответствия современной модели сбережения культурных ценностей их истинному значению можно наблюдать в музее-памятнике «Исаакиевский собор» в Санкт-Петербурге. В результате того, что с самого момента строительства этого уникального сооружения не был решён вопрос об остановке движения капиллярной влаги в стенах собора, была начата работа по замене живописных настенных полотен на мозаику. Основная часть мозаики была установлена на стенах, но часть демонстрируется на планшетах, подготовленная к установке. При этом настенная мозаика является *предметом ДПИ*, а точно такая же в планшетах является музейным предметом. Таким образом, видно, что тождественные культурные ценности относятся к разным категориям, причём условия их охраны и сбережения отличаются как в части утраты, так и в части реставрации.

Особую озабоченность такое положение вызывает в связи с тем, что принятые в последнее время законодательные нормы позволяют приватизировать объекты культурного наследия, с одной стороны [Там же], и, с другой стороны, большое количество памятников истории и культуры будет возвращено различным религиозным конфессиям [10, ст. 6423]. При этом новые собственники во многих случаях по тем или иным соображениям могут свободно нарушать пункты *Закона об ОКН*, касающиеся охраны *предметов ДПИ*, что и происходило при смене собственников, начиная с 1991 г. Эти действия можно рассматривать как действия завоевателя на завоеванной территории. «На “инстинктивном” уровне возникающая на том же самом пространстве новая культура, новый этнос, новое культурное образование стремится уничтожить все следы предшествующей традиции» [13, с. 89].

Подводя итог, предлагаем законодательно закрепить не перечислительное, а онтологическое определение понятия феномена «памятник истории и культуры» и на основе этого нормативно изменить практику его охраны и сохранения.

Памятником истории и культуры (объектом культурного наследия) является специфический вид недвижимой культурной ценности, зарегистрированной государством в списках, своде или реестре в установленном законом порядке. Памятниками истории и культуры (объектами культурного наследия) являются исключительно недвижимые объекты. Связанные с ними движимые предметы декоративно-прикладного искусства, живопись и скульптура обязательно музеефицируются и относятся к государственному музейному фонду независимо от того, в чей собственности находится объект культурного наследия.

Список литературы

1. Аверченко Н. Н. Правовой режим сложных вещей: автореф. дисс. ... к.ю.н. СПб., 2005. 24 с.
2. Александрова М. А. Гражданско-правовой режим культурных ценностей в Российской Федерации: дисс. ... к.ю.н. СПб., 2007. 189 с.
3. Васильев Б. Г. Успенский собор XII века в Старой Ладого. Живописное убранство: каталог. Волхов: Музей-заповедник «Старая Ладога», 2006. 248 с.
4. Комментарий к ч. 1 ГК РФ / под ред. Н. Д. Егорова, А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2005. 896 с.
5. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Париж: ЮНЕСКО, 1972. 14 с.
6. Лисицкий А. В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития: дисс. ... канд. культурологии. М., 2004. 151 с.
7. Мазени Д. В. Некоторые проблемы правового регулирования гражданского оборота движимых культурных ценностей // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 43-55.
8. Миронова Т. Г. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: дисс. ... канд. культурологии. М., 2000. 152 с.
9. О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Закон РФ от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ // Свод законов Российской Федерации (СЗ РФ). 1996. № 22. Ст. 2591.
10. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности: Закон РФ от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6423.
11. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Закон РФ от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
12. Сергеев А. П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. Л., 1990. 192 с.
13. Соколов Б. Г. Онтология культурного наследия: музей в эпоху постмодерна. СПб.: СПбГУ; ВВМ, 2010. Ч. 1. 126 с.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации: с комментариями к последним изменениям. М.: Эксмо, 2011. 272 с.
15. Шухободский А. Б. Памятники истории и культуры как специфический вид культурной ценности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2009. № 97. С. 356-365.

NECESSITY OF MUSEUMIFICATION OF MOVABLE ART OBJECTS RELATED TO HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS

Aleksandr Borisovich Shukhobodskii

*Department of Culturology
St. Petersburg State University
iso.museum.mem@gmail.com*

The author presents the analysis of modern understanding and consideration of movable art objects inextricably related to historical and cultural monuments and substantiates the necessity and importance of these objects museumification under the conditions of different forms of cultural heritage ownership.

Key words and phrases: historical and cultural monument; cultural heritage object; cultural value; museumification; culture; culturology.

УДК 316.3

В статье рассматриваются различные аспекты права в контексте постнеклассической рациональности. Право выступает как собственная ответственность и рефлексивный контроль. Демонстрируются особенности рациональности права и свободы выбора.

Ключевые слова и фразы: право; рациональность права; постнеклассическая рациональность; рефлексивный контроль.

Борис Сергеевич Щеглов, д. филос. н., профессор

Татьяна Петровна Агафонова, к. филос. н.

Кафедра философии

Таганрогский государственный педагогический институт

vitl_2002@list.ru

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРАВА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ©

Исследование, в рамках которого написана данная статья, выполнено при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009-2011) Министерства образования и науки Российской Федерации. Проект РНП.2.1.3.9223 «Методологические и логико-семантические основы исследования социального противоречия и переходных периодов развития современного российского общества». Научный руководитель проекта – доктор философских наук, профессор В. В. Попов.

Постнеклассическая теория использует концепцию классической рациональности, но именно применение концепции постнеклассической рациональности помогает разрешению ряда теоретических проблем, которые стоят перед современной правовой наукой. На основе того или иного определения рациональности современные авторы выходят на достаточно широкий спектр проблем, в рамках которых рациональность является тем понятием, вокруг которого в дальнейшем проводятся систематические теоретические исследования. Однако, фактор рациональности интересен не только с точки зрения правовой теории как таковой, но и с точки зрения задач изучения правовых процессов и правовой деятельности в конкретных прикладных сферах. Конечно, речь идет о правовом рационализме, о моделях рационального правового поведения, а шире – о рационализме в контексте правовой культуры, в составе новой правовой парадигмы, что органически связано с современной интерпретацией феномена рациональности в рамках концептуального аппарата современной теории познания. Следует отметить, что анализ природы рациональности и ее значения в системе человеческой деятельности представляет собой проблему, интенсивно обсуждаемую в современной философской литературе.

Нередко проблема рациональности идентифицируется с проблемой определения точных критериев научной иррациональности, причем в ряде работ сама проблема рациональности отождествляется с проблемой постнеклассической рациональности. Это весьма обстоятельно рассмотрено в работах В. С. Степина, В. С. Швырева, А. Л. Никифорова [3; 5; 6]. Отметим лишь, что эти проблемы фактически не отождествляются. Действительно, в современной литературе имеет место определенное размывание четких критериев научной рациональности. Однако проблема эта до некоторой степени может быть снята в том отношении, что сама проблема рациональности как таковая шире, чем она представлена в науке и в теоретическом познании вообще, ибо фактически рациональность будет охватывать не только рациональные формы познания и сознания, но и способы человеческого действия и поведения.

Современный кризис самой идеи классической рациональности – это именно кризис классических представлений о ней. Он выступает как симптом общего кризиса методологических основ классической европейской науки и связан с утратой ясных ориентиров, которые были свойственны классической интерпретации рациональности. Характерной особенностью понимания проблем рациональности как в зарубежной, так и в отечественной литературе является идея монологичности классического разума, что не могло не привести к тому, что возник целый ряд типов рациональности. В результате этого произошла определенная релятивизация интерпретации